

Наши публикации

«АПЛОДИСМЕНТЫ»

Эта книга народной артистки СССР Людмилы Гурченко, отрывок из которой мы предлагаем вниманию читателей, является продолжением ее предыдущей повести «Мое взрослое детство».

Людмила ГУРЧЕНКО

1

Как люди узнают номер телефона? Никому не сообщала, а звонки с утра до ночи. Хозяйка нервничает, к телефону не подходит. Звонят журналисты, зрители, поклонники, профком, милиция. Телефон трещит сутками. Я потеряла сон. Перетащила свою кровать ближе к коридору, чтобы тут же схватить трубку и в полусонном состоянии, не соображая куда, чего, кому, сказать сдавленным шепотом: «Да, да, я согласна. Буду обязательно!». Я чувствовала, что теряю разум, силы, память...

Так долго не протяну. Нужно куда-то исчезать. А ведь это только-только вышла на экраны веселая комедия. Она еще даже не начала «набираться». А уже по первому кругу проката побила на сборах все известные рекорды. А сколько еще таких кругов у картины будет впереди!

Я выступала по три-четыре раза на день во всех концах Москвы. Вот когда я по-настоящему познакомилась с ней. Москва — это не только улица Горького и площадь Маяковского. И не как поется в фильме «Свинарка и пастух»: «Сколько в ней площадей, переулков, мостов...». Москва — это от края и до края. И края не видать. И люди, люди, люди... Еще ничего не сказала, не запела, лишь улыбнулась — и горячие аплодисменты. Хлопали только за одну улыбку. Дарили цветы, часто в горшочках, ведь это была зима 1957 года. За кулисами, когда много участников — кого-то нет, кто-то опаздывает, про меня порой забывали. На концерт привезли, цветы вручили, а что еще...

И, подождя, я с горшочком выходила на улицу в тоненьких чулочках, бежала к метро. А там уж от «Маяковской» до моего дома метров пятьсот. О такси тогда и мысли не было. Такси было непозволительной роскошью. Вот и еще один горшок украшал комнату моей хозяйки. Я не люблю зелень в горшках. Мне как-то делается сразу грустно. Я вспоминаю папин фикус...

2

«Ой, боже ж мой! Опять с горшком. Одни горшки, нет, чтобы деньгами!»...

В тот день ко мне подошел устроитель концерта, как-то очень-очень сосредоточенно-проверочно посмотрел мне в глаза, пожал руку и протянул благодарственное письмо в голубом конверте.

Я собирала для папы письма, почетные грамоты за выступления на предприятиях. Он ведь даже не представляет, сколько я ему везу всего интересного. Вот будет ему радости! И вдруг: в голубом конверте вместо благодарственного письма лежат деньги. Куда звонить, кому? Как называется то место, где я была? Меня привезли и уезжали.

«Наконец-то, догадались. Да вы что? У меня до вас жила певица. Так она ни одного выступления бесплатно. Это же кровный труд. Веселье и развлечения идут в зал. А у меня от развлечения два инфаркта. Я в сорок лет уже была инвалидом. Вы думаете, как мы с мужем эту кооперативную квартиру зарабатывали? Ездили по Северу с концертами. И я танцевала в холод и мороз в тоненьком трико. И что? Квартира стоит, а здоровье где? Его не купишь. Я думаю, этот дяденька сам и звонил вам. Вы ему нужны были для сборов. А потому и отблагодарил вас. Идите и потратите деньги, получите удовольствие, вы ведь так молоды, идите». И хозяйка квартиры почему-то заплакала.

Наверное, она вспомнила себя в молодости, в успехе: «Вы знаете, я шла по улице, и за мной несся шлейф «минухи»... Вы, конечно, этого запаха не можете знать... Я, Людмилочка, была жуткая красotka!»...

Мама вынула меня из поезда еле живую. Она нухом почувствовала «тревожный сигнал ажиотажа вокруг фильма». И потому о моем приезде в Харьков никто не знал.

После фильма у меня появилась куча родственников — и в Харькове, и по стране, о существовании которых наша семья и не подозревала. И папа серьезно разбирал поколения и родст-

3

венные ответвления своей фамилии, но концы с концами не сходились. Все молодые люди моего возраста, как оказалось, учились со мной в одной школе и даже сидели чуть ли не за одной партой. А я окончила женскую среднюю школу, и появление мальчиков на выпускных школьных вечерах было явлением исключительным и — не скрою — «волнительным».

А однажды пришло огромное диковинное письмо, пахнувшее какими-то за океанскими зловониями. Письмо было от заморского принца, владельца острова. К письму прилагался русский перевод, где между строк можно было понять следующее: принц видел меня в кино, я ему понравилась, родителям его — тоже. Всей семьей они мне делают предложение посетить их остров. Просьба ответить, когда я могла бы приехать.

К письму прилагалось несколько фотографий. Принц — с черными курчавыми длинными волосами, в блестящих одеждах. На голове у него — сверкающий шлем с торчащими высокими перьями. Фотографии родителей в белых одеждах, сидящих на фоне белой ажурной беседки. И еще несколько фотографий с видом его владений. «Быть ты какой царек приятный! А, Лель? Ну, волос мы ему обрежем. У нас так не проидет... Во его жених! А? Дочурчинка!».

Папа схватил фотографии и побежал на работу. Все знакомые рассматривали этого царька, все наши близкие и далекие, новые и старые охали и ахали. Ведь в Харькове в то время не видели ни одного человека с темной кожей.

А сколько удовольствия получал папа, читая письма! Он их распределял на три группы, три категории: «Ответить», «Не отвечать», «Подумать». Написи он делал на конвертах жирным красным карандашом.

— Быть ты, якая приятная девычка! Тоже целить ув артистки. Хай идеть с богум. — Ответить!

4

Как пишет актриса, ее новая работа — ответ на те многочисленные письма, которые она получила и продолжает получать от читателей и зрителей.

Полностью повесть будет напечатана в журнале «Наш современник».

«Людочка, я, конечно, понимаю, что я вам нужен, как архиерею гармонь. Мне 26 лет, но я еще учусь и хочу иметь образование. Кстати, о гармонии. Пришлите мне пять тысяч рублей на баян. Что вам стоит? Вы же теперь миллионерша».

— Лель, як же ж ето! Значить, в нашей дочурки целый миллион? А мы ей сами ус Москву деньги на комнату высылаем. Подумать!

С подобной же просьбой ко мне обращались женщины, чтобы пошить себе такое платье, как у меня в фильме, или чтобы я выслала свое. «Мне так хочется такое же платье, я очень похожа на вас!».

Картина уже гремела по стране. Женщины худели, подтягивали талии, опускали челки на лбы, закручивали волосы колечками. Девушки шили себе платья точь-в-точь, как у меня в фильме. Иногда я замирала, как сеттер в стойке: навстречу мне шла я сама! И только потом переводила дыхание — слава богу, меня не узнали.

А один раз пригласили на вечер. На предновогодний вечер большого предприятия. На сцене самостоятельным коллективом была разыграна вся «Карнавальная ночь». Героя спускали на веревке откуда-то сверху, с лесов. И он, сидя на стуле, произносил знаменитый огурцовский монолог: «Товарищи, есть установка весело встретить Новый год...». Этот спектакль шел под несмолкающие смех и аплодисменты зала. На сцене были все герои картины. Была, конечно, и Леночка Крылова.

Я сидела в первом ряду и смотрела на героиню фильма, где сама играла. И если бы пришлось снимать картину заново, на месте режиссера я бы, конечно, выбрала ту, что была на сцене. Она так меня «делала»! Со всеми моими штучками, штампами, ракурсами и тембром голоса, что, когда в конце представления нас вывели рядом на сцену: «Сегодня у нас в гостях...», — я решила просто поблагодарить за до-

5

ставленное удовольствие. Но насчет того, чтобы спеть самой... Нет...

Среди имен известных артистов в афише Колонного зала была объявлена и моя фамилия. Сколько раз по радио в Харькове я слушала: «Говорит Москва. Начинаем трансляцию концерта из Колонного зала Дома союзов». И вот теперь сама выступаю в этом сказочном зале.

Именно таким — огромным, светлым, легким, улетающим куда-то ввысь, в нереальность, показался мне тогда самый прекрасный зал столицы. За кулисами было известно, что в зале одна молодежь и что все зрители ждут эту «молодую артисточку». Сразу поняла, что «молодая артисточка» это я.

За кулисами коллеги улыбались мне кисло и вежливо.

Выступали мы вдвоем с композитором Анатолием Лепиным, написавшим музыку к комедии.

Эти несколько концертов в Колонном зале остались одним из ярких моментов моей короткой «молодой, бурной популярности». Не успевал конференсье Эмиль Радов произнести: «А сейчас на сцену выйдет наша самая молодая артистка кино...», — зал вздрагивал от аплодисментов...

То были самые высокие «пики» популярности, всеобщего признания и восторга. Именно так приветствовал Колонный зал. Молодежь увидела в роли девушки из комедии желанный образ. Ждали, ждали чего-то нестандартного, неординарного, ждали, не отдавая себе отчета. Образ явился на экране, и все восторженно влюбилось.

Больше так единодушно публика меня не принимала никогда.

Сцена Колонного зала была в весенних цветах. Песни исполнялись несколько раз. А из зала меня выводили тайком — через ту дверь, где актеров публика не ожидает. У центрального

6

входа собралась толпа. Когда же я благополучно вышла на Пушкинскую улицу, кто-то крикнул: «Да вон же она!». От моего бархатного платья с беленьким воротничком в горошек, как говорится, остались клочья.

И так, с неослабевающим накалом, — полтора года.

1958 год — диплом и выпускные экзамены. На «Мосфильме» запускалась в производство новая музыкальная кинокомедия «Девушка с гитарой». И роль этой девушки была написана специально для меня, с учетом моих возможностей.

Так скажите мне, уважаемые зрители: как тут не закружиться голове? Именно от сознания, что ты избранный — не такой, как все, и начинается история тяжелой и мучительной болезни, от которой нет лекарств. Назвали ее прекрасно — «звездная болезнь». Ей подвержены не только артисты и люди искусства. Ею частенько болеют и те, чья жизнь проходит «на виду».

Сейчас я уже знаю все приметы этой болезни. Изучила ее структуру, все ее этапы, индивидуальную протекать своему, индивидуально — в силу эмоционального склада и количества мозговых извилин «больного». Очень жалею тех, кого она не пощадит. Восхищаюсь теми, у кого иммунитет победил болезнь, отбросил ее подальше.

Почти все судьбы с громкой славой проходят через испытание горькое и неизбежное — охлаждение зрителя. Причин много. А главная — редкая возможность и счастливая судьба повторять из роли в роль успех. Но такие примеры исключительно редкие. Благополучно переболевшие «звездной болезнью» так умны, что расчетливо вывели все опасные тропки, петляя лабиринтами. Они запутывали ходы. И высокая температура так их и не настигла...